

Мо Юньцин получил технику создания марионеток совсем недавно, но уже не терпелось приступить к практике. Однако это ремесло оказалось невероятно сложным и тесно переплеталось с принципами артефакторики.

К счастью, глава секты Шэнь Цинли был весьма искусен в этом деле. По правде говоря, он согласился наставлять Мо Юньцина лишь потому, что марионеточные журавли оказались крайне удобным средством передвижения, и Хэмин отдал ему целых пять штук в качестве платы за обучение.

Это был щедрый жест, ведь из-за внушительных размеров таких журавлей на их создание уходило немало ценных материалов. Чтобы наставник не потратил их впустую, Мо Юньцин старался изо всех сил и то и дело прибегал к Шэнь Цинли за советами.

— Ты, дитя, слишком уж усердствуешь. Даже Цинлин не проявляет такого рвения, — замечал тот.

Хотя Мо Юньцин порой бывал назойлив, Шэнь Цинли не питал неприязни к прилежным ученикам и терпеливо отвечал на все вопросы. В конце концов, раз уж он принял дар Хэмина, негоже было бездельничать.

Разумеется, Мо Юньцин не ограничивался одними расспросами. Решив начать с простого, он, опираясь на полученный опыт, принялся с помощью земного пламени очищать материалы.

Создание марионеток — задача не из легких, требующая не только упорства, но и определенного таланта. Малейшая ошибка в процессе — и весь материал безнадежно испорчен.

После того как была загублена целая гора заготовок, Мо Юньцину наконец удалось смастерить сносного марионеточного воробья. В отличие от обычных артефактов, марионеткам нужно было вырезать черты лица — Впрочем, это оставалось на усмотрение мастера. Но чтобы лучше чувствовать связь с куклой, проработка деталей была желательна.

Мо Юньцин, сосредоточив духовную энергию, принялся осторожно вырезать на голове пташки круглые щечки, стараясь сделать каждый штрих как можно изящнее.

— Сяо Цинцзы... Не надо вырезать человеческие лица на птичьих головах! Это же жутко, у меня прямо эффект зловещей долины начинается! — система, глядя на гротескную физиономию воробья, заметно занервничала и поспешила спрятать голову под крыло.

— Почему так уродливо? Я же так старался... Где я ошибся? — Мо Юньцин крутил марионетку в руках, недоумевая, почему пташка вышла такой пугающей. Впрочем, она работала исправно: он мог делиться с ней зрением и использовать как разведчика.

Пусть уродлива, зато полезна. Как говорится, повторение — мать учения, стоит попробовать еще раз, и выйдет куда лучше. Вперед, Мо Юньцин!

Хэмин, придя по обыкновению проверить успехи ученика, мельком взглянул на стол, уставленный всякой всячиной, и его лицо впервые выразило хоть какие-то эмоции.

— Что это за кучка уродов? — поинтересовался Хэмин.

Мо Юньцин лишь тяжело вздохнул, уткнувшись лицом в стол:

— Учитель, может, вы промолчите? Это очень бьет по самолюбию.

Хэмин выбрал из кучи наиболее сносного воробья, повертел его в руках и, влив немного духовной энергии, синхронизировал зрение. И надо признать, несмотря на уродство, крошечное создание обладало широким углом обзора и отличным слухом. Если закрыть глаза на внешний вид, работа была выполнена мастерски.

Хэмин похлопал ученика по плечу:

— Не бери в голову, Юньцин. Кроме внешности, этот воробей хорош во всем. Можешь переходить к созданию других типов марионеток.

— Ха-ха... — Мо Юньцин не почувствовал радости от похвалы. Ну почему же так трудно вырезать голову птице?

Он снова взглянул на свои творения — каждое было уродливо по-своему. Впрочем, какая разница, главное — функциональность.

— Учитель, как нужно вырезать черты лица, чтобы они выглядели красиво? — недоумевал он. Форма кукол выходила ладной, но стоило добавить лицо, как оно тут же превращалось в нечто ужасное.

— Тут нужен талант, — отрезал Хэмин.

Мо Юньцин был окончательно раздавлен. Словно прочитав мысли ученика, Хэмин выложил на стол ряд брусков из твердой древесины.

— Если не получается вырезать лицо на кукле, тренируйся сначала на дереве. Набьешь руку — тогда и перенесешь мастерство на марионеток. Терпение и труд все перетрут.

— Ах, чуть не забыл, учитель! Мое искусство управления нитями стало куда совершеннее.

Мо Юньцин вмиг преобразился. Тонкие нити духовной энергии потянулись к нескольким воробьям, и те закружились в воздухе, словно живые птицы — если, конечно, не смотреть на их лица.

— Меньше чем за месяц добиться такого мастерства в управлении нитями... — Хэмин был удивлен. Самому ему потребовалось на это три месяца, а Мо Юньцину хватило одного. Похоже, у него действительно был к этому талант.

После ухода Хэмина Мо Юньцин продолжил экспериментировать с формами и упражняться в резьбе по дереву. Странно, но любых других животных он вырезал отлично, и только птицы выходили пугающими.

Спустя пять месяцев тренировок он наконец научился создавать изящные птичьи мордочки. Набив руку на животных, он решил, что пора переходить к человекоподобным марионеткам. Но прежде нужно было прорваться на стадию Золотого Ядра. Система предупредила: до возвращения главного героя книги, Цзюнь Цинлина, оставалось меньше года, нужно было спешить.

— Прорыв к Золотому Ядру требует прохождения Громовой кары... — Мо Юньцин еще ни разу не попадал под удар молнии, и ему очень хотелось избежать этого опыта. Хэмин, зная о предстоящем испытании, снабдил его множеством защитных артефактов, но предупредил, что кара полезна для закалки тела, и прибегать к защите стоит лишь в крайнем случае.

— Удачи, Сяо Цинцзы! После прорыва на стадию Золотого Ядра тебе откроется куда больше техник, — подбадривала его система. На этой стадии духовная энергия в теле конденсировалась в даньтянь, а ее запас значительно возрастал.

Однако кара оказалась суровой. Уже после первого удара молнии тело Мо Юньцина онемело. Обычно при прорыве на стадию Золотого Ядра обрушивалось десять ударов, но, видимо, из-за того, что Мо Юньцин был пришельцем из другого мира, небеса решили проявить особую строгость — ему предстояло выдержать целых тринадцать.

С каждым разом становилось все труднее. Когда все закончилось, Мо Юньцин сидел на земле, обугленный и дымящийся.

— Кхе-кхе... — он закашлялся, чувствуя запах собственного горелого тела, и поспешил принять целебные пилюли. Обугленная кожа начала осыпаться, открывая нежную, белую, словно чистейший нефрит, кожу.

Применив заклинание очищения и переодевшись в чистое, он с наслаждением потянулся.

— Наконец-то с этим покончено.

Теперь у него оставалось полгода, чтобы сосредоточиться на создании марионетки. Человекоподобные куклы были куда сложнее животных: чего стоило одно только соединение суставов, не говоря уже о лице.

Создать марионетку на основе магического массива он пока не мог, но нитяного управления было достаточно. Мо Юньцин трудился несколько месяцев, не смыкая глаз, и комната быстро заполнилась горой отбракованных конечностей и изуродованных лиц.

— Сяо Цинцзы, может, выбросишь эти маски? — робко предложила система. И ее можно было понять: некоторые лица выглядели как бумажные похоронные куклы, отчего становилось не по себе. К счастью, финальный вариант лица вышел весьма удачным.

Правда, по какой-то странной прихоти Мо Юньцин наградил куклу ярко-желтыми волосами.

— Пожалуй, назову его Мо Вэньюй, — решил он.

Как только слова слетели с его губ, на груди марионетки проступили иероглифы имени. Мо Юньцин выбрал подходящую одежду из запасов, подаренных Хэмином, и, одев свое творение, остался вполне доволен результатом.

<http://bllate.org/book/18946/1857034>